
**Воспоминанія о Высокопреосвященнѣйшемъ Владимірѣ, Архі-
епископѣ Казанскомъ и Свѣяжскомъ, бывшемъ начальникѣ
Алтайской и киргизской миссіи.**

Когда я учился еще въ Томскомъ дух. училищѣ (1859 г.), въ ново-открытую (въ г. Томскѣ) семинарію прибыли: ректоромъ архимандритъ Веніаминъ, ростомъ выше средняго, свѣтлорусый, а инспекторомъ іеромонахъ Владиміръ, средняго роста, лицомъ бѣлый, а волосы и борода черные, и оба въ очкахъ,

что крѣпко врѣзалось въ отроческой моей памяти. Постѣ я слышалъ, что іеромонахъ Владиміръ былъ инспекторомъ Иркутской семинаріи, а затѣмъ инспекторомъ С.-Петербургской академіи,

1866 года, марта 23-го или 24-го, состоя на службѣ въ главномъ станѣ Алтайской миссіи — с. Улалѣ церковно-служителемъ (послушникомъ), и принималъ муку пшеничную и ржаную, закупленную для ожидаемаго начальника, какъ услышалъ (вечеромъ около 5-ти часовъ), что ѣдетъ новый начальникъ, архимандритъ Владиміръ, изъ Петербурга. Съ нимъ вмѣстѣ прибыли студенты С.-Петербургской академіи Петръ Ивановичъ Макушинъ и Іоаннъ Васильевичъ Солодчинъ, — фельдшеръ Алексѣй Димитріевичъ Воиновъ и (какъ сказывали) изъ Сарова іеромонахъ Платонъ, изъ Оптиной пустыни іеродіаконъ Варсонофій (очень высокаго роста) и монахъ Михайлъ (въ мірѣ Евдокимъ). Съ нимъ-же пріѣхалъ Барнаульскій (бывшій) купецъ Аванасій Григ. Мальковъ. Встрѣча была торжественная; въ Улалинскомъ храмѣ парода собрался полонъ храмъ. По краткомъ молитвословіи, о. архимандритъ Владиміръ сказалъ рѣчь (устно) о братской христіанской любви, поспѣшествующей въ великомъ и святомъ дѣлѣ проповѣданія слова Божія и вообще во всей жизни православнаго христіанина. О. архимандритъ страдалъ въ это время сильной зубной болью, выразившейся наружнымъ флюсомъ на верхней губѣ. Болѣзнь не позволяла ему совершать богослуженія и во Св. Пасху... По пріѣздѣ о. архимандритъ помѣстился въ домѣ моихъ родителей и пробылъ около мѣсяца, а пріѣхавшіе съ нимъ всѣ (кромя Малькова) — въ домѣ о. архимандрита Макарія (покойнаго основателя Алтайской миссіи), перевезенномъ изъ с. Маймы, куда перешелъ къ веснѣ и о. архимандритъ Владиміръ, до устройства особеннаго дома для начальника миссіи. Весною, когда сошелъ снѣгъ, о. архимандритъ поѣхалъ (здѣсь въпервый разъ) въ женскую общину, что въ 7-ми

верстахъ вверхъ по р. Маймѣ (нынѣ Николаевскій женскій монастырь). Рѣка Майма была въ разливѣ, а посему пришлось ѣхать на верховыхъ и по доламъ, и косогорамъ. Тогда и верховая дорожка (нынѣ для проѣзда на экипажахъ) была не удобна, а въ мѣстахъ двухъ, на обрывахъ, надъ рѣкой и опасна. О. архимандритъ, какъ умѣлый наѣздникъ съ малолѣтства на верховой, поѣхалъ смѣло и, немного не доѣхавъ до общины, на узкой тропинкѣ, уперся правой ногой въ толстую березу. Нога скользнула, ударилась берцей о стволъ березы такъ сильно, что послѣ разболѣлась и чуть не на цѣлый годъ. Такъ началось служеніе о. архимандрита Владиміра въ Алтайской миссіи болѣзнями и скорбями...

Не чистосердечная благотворительность и не благонамѣренная попечительность Барнаульскаго купца Аѳанасія Григорьевича Малькова заставили о. архимандрита Владиміра ѣхать въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ пробылъ болѣе трехъ лѣтъ, до окончанія разслѣдованія о Мальковѣ.... Много и другихъ скорбей и непріятностей вредно повліяли на здоровье о. архимандрита, но духомъ онъ не падалъ, будучи подкрѣпляемъ благодатію Божіею.

Первою заботою о. архимандрита было обезпечить матеріально Алтайскую миссію и служащихъ въ ней. Не мало потрудился онъ и при открытіи Православнаго Миссіонерскаго Общества будучи усерднымъ участникомъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и при составленіи устава Миссіонерскаго Общества. Въ этомъ уставѣ, по его инициативѣ, постановлено выдавать алтайскимъ миссіонерамъ въ извѣстномъ размѣрѣ, за пять прослуженныхъ лѣтъ, неотъемлемую прибавку къ жалованію.

Возвратившись изъ С.-Петербурга, о. архимандритъ неустанно принялся за труды въ Алтайской миссіи, возбуждая своимъ словомъ и примѣромъ усердіе къ труду во всѣхъ слу-

жащихъ въ миссіи. Дома онъ и ночи просиживалъ за дѣломъ: (видно было освѣщеніе у его письменнаго стола во всю ночь). Минуты отдыха не пропадали у него даромъ: къ праздникамъ. Рождества Христова, св. Иннокентія Иркутскаго, Богоявленія и другимъ изъ-подъ его руки выходили картинки (черезъ гектографъ), изображавшія эти праздники или св. Иннокентія, съ тропарями и кондаками, подписанными внизу картинки, каковыя имъ были раздаваемы на праздникахъ учащимся и грамотнымъ. Иногда (очень часто) о. архимандритъ жаловался на сплинь: „ночью сплю“, говаривалъ онъ, „и днемъ сплю запоемъ“,—а уснетъ ночью часа 2—3, да послѣ обѣда около получаса, для успокоенія нервовъ.

Въ поѣздкахъ о. архимандритъ былъ неутомимъ. На верховой лошади, въ простой телѣжкѣ и въ экипажѣ, болѣе или менѣе удобномъ, совершалъ онъ тысяче-верстныя поѣздки безъ отдыха. Первымъ онъ проѣхалъ Кузнецкой чернью (тайгой) въ Минусинскій округъ (Енисейской губ.) до пограничнаго села Таштышъ и дальше, а по Алтаю—во всѣхъ направленіяхъ, и по Китайской границѣ и съ юго-запада, отъ озера Норъ-Зайсанъ.

Получивъ извѣстіе о прибытіи въ г. Томскъ иконы св. великомученика Пантелеимона, съ частію его св. мощей (въ сей-же св. иконѣ)—даръ Аюна Алтайской миссіи, 1879 года, 24-го іюля о. архимандритъ Владиміръ отправился изъ г. Бійска на встрѣчу св. иконѣ съ іеромонахомъ о. Антоніемъ въ 2-хъ экипажахъ. Взятъ былъ и я въ качествѣ келейника и инородецъ Григорій Ѡ. Суртаевъ (сверхъ штата служившій при миссіи), въ помощь о. Антонію, при сопровожденіи св. иконы отъ г. Томска до с. Улалы. Ѣхали днемъ и ночью. Въ г. Томскъ пріѣхали 26-го іюля довольно рано (около 4-хъ часовъ вечера) Болѣе 500 верстъ проѣхали меньше двухъ сутокъ и дорогою пили чай всего лишь три раза. Съѣстного съ нами ничего не

было. Непривыкшіе къ такому посту, я и Суртаевъ жаловались другъ-другу: „ѣсть хочется....“ Суртаевъ не вытерпѣлъ, — въ с. Анисимовскомъ (Боровлянскѣ) на почтовой станціи выпросилъ небольшую булку, отдѣлили часть мнѣ, чѣмъ я утолили мы голодъ. Въ г. Томскѣ пробыли не долго. 6-го августа, тотъ часъ по окончаніи литургіи и молебна въ Благовѣщенскомъ соборѣ, св. икона великомученика Пантелеимона была вынесена въ крестномъ ходѣ изъ г. Томска съ двумя явленными чудотворными св. иконами: нерукотвореннымъ образомъ (с. Спасскаго) и Божіей Матери (с. Ярскаго), которыя пошелъ сопровождать и о. Антоній, съ даннымъ ему въ помощь, кончившимъ курсъ наукъ въ Томской семинаріи и пожелавшимъ поступить на служеніе въ Алтайскую миссію, Матвѣемъ Васильевымъ Трубинымъ, а я съ Суртаевымъ пока остался при о. архимандритѣ. На другой же день (7-го августа) я командированъ былъ о. архимандритомъ вслѣдъ за о. Антоніемъ, чтобы, догнавъ его, вручить предписанія Преосвященнаго Петра и г-на Томскаго Губернатора, дабы причты церковей по пути, благочинные, а также волостныя и сельскія власти свидѣтельствовали въ этихъ бумагахъ о благополучномъ шествіи иконы св. великомученика Пантелеимона. Къ тому же и повозочку о. Антонія нужно было ему доставить. Догналъ я св. икону уже въ с. Спасскомъ, а потомъ съ нею прослѣдовалъ чрезъ с. Ярское и дер. Алаеву до дер. Варюхиной. Къ утру 9-го августа о. архимандритъ пріѣхалъ съ инородцемъ Суртаевымъ въ дер. Варюхину, Суртаева оставилъ съ о. Антоніемъ, при св. иконѣ, а меня взялъ съ собой. Въ г. Барнаулъ прибыли 10-го къ вечеру и пробыли здѣсь три дня. 13-го августа, въ 7 часовъ вечера, выѣхали изъ г. Барнаула и, переплывъ здѣсь же р. Обь, направилсь чрезъ дер. Санникову, на дер. Жилину (на трактѣ), но при выѣздѣ изъ д. Санниковой уже въ сумеркахъ, ямщикъ круто

повернулъ вправо и мы поѣхали совсѣмъ не той дорогой, какой намѣревались ѣхать. Пришлось мнѣ отворать нѣсколько воротъ (кажется до 6-ти) въ покотинахъ деревень, расположенныхъ вверхъ по рѣкѣ Оби, а деревни ни одной мы не видали. Тутъ ямщикъ, увидавъ свою ошибку, высказался, что онъ плохо знаетъ дорогу на д. Жилину. Миновавъ всѣ покотины, мы не вдругъ попали въ деревню. Было уже очень темно. Потащились мы шагомъ по косогорамъ и грязнымъ лужамъ. Мнѣ привелось нащупывать тростью о. архимандрита проселочную дорогу и сказывать ямщику, куда проѣхать... Подъѣзжаемъ ближе къ деревнѣ. Вотъ уже изгороди какія-то. Чуть я не оборвался въ яму (подъовинную): тростью и дна не могъ достать. Освѣтившись зажженной спичкой и оглядѣвшись, объѣхали яму. Подъѣхали къ рѣкѣ и не знаемъ, насколько она глубока, а за рѣкой видны огоньки въ окнахъ избъ; даже слышенъ громкій, крикливый (деревенскій) разговоръ. Ямщикъ отпрягъ одну пристяжную лошадь, поѣхалъ черезъ рѣку на развѣдки. Въ это время сзади нашего экипажа подъѣзжаетъ мужичекъ на верховой лошади, съ пѣсенкой (выпивши) и, почти наткнувшись на экипажъ, выразилъ свое удивленіе крѣпкой русской бранью. Потомъ спрашиваетъ: „что тутъ за люди?“ — О. архимандритъ отвѣтилъ, „изъ духовенства-де“. — „Да зачѣмъ васъ сюда занесло?“ О. архимандритъ спросилъ: „да ты-то кто такой?“ — „На-вотъ! — послѣдовалъ отвѣтъ, Якова-то Петровича не узналъ! а ты кто будешь? пощъ что-ли?“ — „Нѣтъ, — поднимай выше.“ — „Благочинный?“ — „Ну нѣтъ, — поднимай выше“. — „Да не архирей-ли ужъ?“ — „Ну! немного пониже“, — отвѣтилъ о. архимандритъ. Наконецъ, удалось ему какъ-то скоро объясниться съ Яковомъ Петровичемъ, кто онъ. Потомъ ругань Якова Петровича направилась въ сторону ямщика, который не въ долгое время возвратился изъ-за рѣки и объявлялъ,

что это деревня Фирсова. „Да поче те (да зачѣмъ тебя)—затащило сюда?“,—и Яковъ Петровичъ пуще накинудся съ бранью на ямщика, но о. архимандритъ уговорилъ его не браниться, что этимъ де не поправишь ошибки,—„а вотъ лучше проводи-ка насъ до д. Санниковой“ Яковъ Петровичъ не вдругъ, но согласился сѣсть на облучекъ съ ямщикомъ, привязавъ свою лошадь къ пристяжной съ лѣваго боку, и мы покатили рысцой... Въ д. Санникову, напрямикъ 8 верстъ, переѣхали мы скоро. Яковъ Петровичъ говоритъ: „вотъ заѣдемъ къ сватьѣ пиво пить“. Оказалось, и земская квартира—у сватьи Якова Петровича, но, къ счастью, пива вѣтъ, за что онъ побранилъ сватью, укоривъ: „а я гостей-то какихъ важныхъ къ тебѣ привезъ“. Когда вошли въ избу, освѣщенную двумя сальными свѣчами, Яковъ Петровичъ, увидѣвъ на груди о. архимандрита блестящій крестъ, чего въ темнотѣ видѣть не могъ, упалъ къ ногамъ его и, кланаясь просилъ прощенія, что ругался. О. архимандритъ простилъ Якова Петровича и, узнавъ, что онъ *раскольникъ* (уклонившійся давно), сказалъ: „вотъ ты насъ при ночной темнотѣ вывелъ сюда въ деревню, чѣмъ же я заплачу тебѣ за это?“—Тотъ всячески сталъ отказываться отъ всякаго вознагражденія. О. архимандритъ говоритъ: „я хочу тебѣ заплатить за доброе твое дѣло весьма дорогимъ, безцѣннымъ, если ты только пожелаешь. И вѣдь по старой, истинной, Христовой вѣрѣ служу“.—Подали самоваръ. И за чаемъ, и послѣ чаю долго бесѣдовалъ о. архимандритъ съ Яковомъ Петровичемъ. Результатомъ бесѣды было то, что Яковъ Петровичъ умилился, перекрестился истово, со слезами и говоритъ: „вотъ те Христось!... въ первый же постъ поѣду въ городъ, въ соборъ, поговѣю, раскаюсь во всѣхъ грѣхахъ и перейду въ истинную православную церковь со всей семьей“. Исполнили Яковъ Петровичъ свое обѣщаніе,—не знаю. Проводивъ его

въ 2 часа ночи, мы легли уснуть... Въ 5 часовъ выѣхали мы изъ дер. Саняковой на тракть и благополучно доѣхали до г. Бійска, пигдѣ не останавливаясь, въ тотъ-же день вечеромъ.

Въ поѣздку за Телецкое озеро, для освященія Башкоусскаго храма, и я былъ взятъ, какъ діаконъ, въ числѣ прочихъ. Поѣздка эта совершена была безъ особенныхъ приключеній, до Телецкаго озера на верховныхъ, а по озеру—на двухъ большихъ дощатыхъ лодкахъ (3-я малая тащила на привязи). Во время плаванія по озеру, не разъ закидывали неводъ (подаренный послѣ Чолышманскому монастырю и скоро тамъ сгнившій). Уловъ всегда былъ удовлетворителенъ, такъ что оставалось отъ обѣда и ужина послѣ 27 человекъ; остатокъ солили, складывая въ колоды, сдѣланныя наскоро. Освященіе храма въ Башкоусѣ при торжественномъ богослуженіи, доселѣ невиданномъ мѣстными инородцами, совершаемомъ на ихъ мѣстномъ нарѣчій, такъ подѣйствовало на крещенныхъ и некрещенныхъ, во множествѣ собравшихся инородцевъ, что они почти весь день говорили: „якши, сюрекей якши!“ (хорошо, весьма хорошо), а вечеромъ, къ разложеннымъ кострамъ нашего огня подходили за разъясненіемъ непонятаго изъ богослуженія. Мы постарались, по возможности, разъяснить имъ и бесѣда наша продолжалась за полночь. Освященіе храма надолго останется въ памяти башкоусцевъ. По освященіи храма, на обратномъ пути, при устьѣ р. Чолышмана, впадающей въ Телецкое озеро, кромѣ обычной телецкой рыбы: тальменей, кускучей, хайрюзовъ, сельдей и проч., пойманы были неводомъ двѣ стерляди, небольшой осетръ и севрюга въ 32 фунта.—Далѣе, при устьѣ р. Камги, вышелъ неловкій случай. Закинули неводъ... О. архимандритъ обычно всталъ въ малую (дощатую) лодку, управляемую П. Д. Тренихинымъ, оперся на свою трость и глядитъ, оплывая съ вышней стороны неводъ. Рыбы показалось такъ много, что о. архиманд-

ритъ, потерявъ обычное (повидимому) хладнокровіе, — то на лѣвое крыло „тяните нижнюю тетиву!“, то на правое. Рыба стала показываться въ первыхъ же ячейкахъ невода, при выходѣ ихъ изъ воды; значить, неводъ полонъ рыбой. Но, къ удивленію всѣхъ, когда неводъ сталъ выходить изъ воды, рыбы въ немъ не оказалось, развѣ кое-гдѣ запуталась и то не крупная. Оказалось, предъ закидываніемъ невода, забыли завязать рукавъ посреди невода (мотию): рыба вся и вышла изъ невода мотнею. Разочарованный, о. архимандритъ, замѣтивъ это, не дожидая, когда вытянуть совсѣмъ неводъ изъ воды, поспѣшно вышелъ изъ лодки, снялъ шляпу, — поклонившись, сказалъ „*покорно благодарю!*“ и скрылся въ своей палаткѣ... Всѣмъ стало очень неловко, а посему многіе разошлись, кто — куда, по берегу озера. Остались одни гребцы (ивородцы) выбирать мелкую рыбу изъ ячеекъ невода, посвистывая и повторяя „*калакъ! калакъ!*“

А. Борзенковъ пошелъ къ самому устью рѣки Камги. Увидаль онъ въ ямѣ (съ водой) иссохшаго протока, какъ бы колоду, но колода пошевелилась... Закричалъ Борзенковъ по берегу: „тащите неводъ!, неводъ тащите!“... Нѣкоторые изъ рабочихъ догадались, что неводъ нуженъ, чтобы загородить выходъ рыбѣ изъ протока и, освобожденный уже отъ рыбы, неводъ потащили по галькѣ (по отмелому берегу), однимъ крыломъ впередъ, опеленали въ ямѣ колоду, вытащили на отлогій берегъ и съ трудомъ убили камнями громадныхъ размѣровъ тальменя. Тальмень такъ былъ великъ, что Борзенковъ, сдѣлавъ толстый рогаль, задѣлъ подъ жабры тальменя, еле взвалилъ на плечо и потащилъ по берегу къ стану. Голова тальменя была вровень съ головой Борзенкова, а хвостъ тащился по землѣ. Тальмень былъ болѣе 2-хъ аршинъ. Всѣ закричали: „тальмень! тальмень!“ о. архимандритъ выглянулъ изъ палатки, потомъ вышелъ, полюбався на тальменя,

разспросилъ какъ и гдѣ его поймали и—огорченіе его тотчасъ прошло.—Остальная часть поѣздки (обратный путь) окончена благополучно. Я съ о. Макаріемъ и прочими возвратился въ Улалу прежде о. архимандрита.

О. архимандритъ былъ опытный строитель—архитекторъ. Сами постройки, совершенныя подъ его руководствомъ, свидѣтелями стоятъ и по его смерти; между тѣмъ самъ онъ высказывалъ, что, уча плотниковъ и печниковъ, онъ самъ учится.—Встрѣчались подрядчики по постройкѣ не вполнѣ добросовѣстные. О. архимандритъ на первыхъ же порахъ, изъ разговора съ ними, усматривалъ недобросовѣстность и лукавство нѣкоторыхъ,—или по спросу о нихъ кого-либо свѣдущаго и знающаго ихъ. Напримѣръ: пришелъ Ѳ. К., просить подрядъ плотничной работы. О. архимандритъ (за недосугомъ) сказалъ „приходи завтра“, а между тѣмъ узналъ, что Ѳ. К. человѣкъ нетрезвый и неблагонадежный: не достроивъ въ Паспаулѣ домъ съ церковію въ верхнемъ этажѣ, сбѣжалъ и другія постройки исполнялъ не добросовѣстно. На другой день приходитъ Ѳ. К. и опять съ той же просьбой. О. архимандритъ какъ бы въ первый разъ видитъ Ѳ. К. и спрашиваетъ, кто онъ, откуда, что нужно и проч. Когда Ѳ. К. объявилъ, что онъ хорошій плотникъ, что онъ много построилъ по миссіи молитвенныхъ домовъ и тамъ то—и въ другомъ, и въ третьемъ мѣстѣ, и въ Паспаулѣ..., о. архимандритъ переспросилъ: „такъ ты это въ Паспаулѣ строилъ?“ — „Я, я“, подтверждаетъ Ѳ. К.—„Такъ, ты выстроилъ?“ — „Я, я—батюшка въ Паспаулѣ, я выстроилъ“.—„Такъ, ты то это не достроилъ и сбѣжалъ?“ Ѳ. К. удивился, что новопріѣзжій начальникъ уже знаетъ о его недобросовѣстности и замолчалъ. О. архимандритъ пожурилъ и сдѣлалъ ему такое отеческое наставленіе, что Ѳ. К. видно было иногда лишь въ числѣ рабочихъ. Лучшіе здѣсь плотники и печники, какъ Архипъ А. Борзенковъ,

Лукианъ Петровичъ Пановъ и другіе въ настоящее время говорятъ: „когда о. архимандритъ—и Преосвященный Владиміръ былъ живъ, молились мы о его здравіи, а теперь, пока мы живы, будемъ молить Господа о упокоеніи блаженной души Архіепископа Владиміра въ раю“... „Хотя мы знали каждый свое ремесло шало-мальски, но онъ насъ научилъ лучше работать.“ А. Борзенковъ не откажется подтвердить, что при составленіи плановъ какой-либо постройки, вечеромъ по окончаніи работы приглашалъ о. архимандритъ его, Борзенкова, я между проч. (неграмотнаго мужика) научилъ его читать и, хотя не особенно красивымъ почеркомъ, подписывать, гдѣ понадобится, свое имя и фамилію. На все это нужно было особенное радѣніе и терпѣніе. Училъ же онъ всегда, всѣхъ и всему отечески, съ любовью. Многіе и теперь вспоминаютъ: „и пожурить, бывало, до слезъ онъ, за то послѣ на душѣ станетъ такъ хорошо, что и во вѣкъ не забудешь“.—Первыми постройками, подъ наблюденіемъ о. архимандрита были: домъ для начальника миссіи, съ домовою Иннокентіевскою церковію на верху, и помѣщеніе для первой, двухъ-класной Филаретовской школы миссіи, открытой и устроенной имъ*), съ квартирою для наставниковъ и другихъ членовъ школы; потомъ храмы въ Чеповшѣ, Мнютѣ, Александровкѣ и въ Улалѣ—большой храмъ Всемилостиваго Снаса, на постройкѣ котораго онъ буквально сидѣлъ каждый день, съ ранняго разсвѣта и до позднихъ потемокъ, кромѣ прадничныхъ дней, пли изготвленія почты и другихъ безотлагательныхъ важныхъ дѣлъ. Подрядчикъ Борзенковъ и рабочіе удивлялись, когда это онъ спитъ и когда ѣсть.—Разбудить ихъ на разсвѣтѣ, придуть на работу, а работа разжѣчена карандашемъ по вершкамъ...; пообѣдавъ наскоро, за-

*) Зданіе школы перестроено изъ дома о. архимандрита Макарія, основателя Алтайской миссіи, перевезеннаго изъ с. Майми.

берется въ уголокъ постройки отдохнуть на минуту, а тутъ придуть подрядчикъ съ рабочими и дивятся: работа опять разиѣчена. Однажды не замѣтилъ о. архимандрита въ углу одинъ рабочій, чуть не надъ головой его изругался весьма неприличной бранью, какъ вдругъ услыхалъ снизу голосъ о. архимандрита: „эй, братъ! въ условіи при подрядѣ этого не было...“ Рабочій обомлѣвъ и тотчасъ попросилъ прощенья, а потомъ почти два дня вздыхалъ, рассказываясь: „что это я сдѣлалъ! какъ-то вырвалось-же“!—Макарьевскій храмъ и Сайдыпскій молитвенный домъ построены при его-же содѣйствіи; послѣдній—въ память пятидесятилѣтія съ основанія Алтайской миссіи о. архимандритомъ Макаріемъ; освященъ Владиміромъ, Епископомъ Бійскимъ, первымъ викаріемъ Томской епархіи, какъ многіе и другіе храмы Алтайской миссіи.

Въ обращеніи со служащими въ миссіи о. архимандритъ Владиміръ былъ строгъ, какъ начальникъ, но и милостивъ, какъ отецъ. Вступивъ на кафедру епископа Бійскаго, онъ сталъ еще добрѣе: вникалъ въ положеніе всѣхъ и cadaго, даже причетниковъ съ ихъ семействами и толмачей. Да и съ простымъ народомъ и съ болѣе знатными міра сего, онъ умѣлъ поговорить и подѣйствовать на всѣхъ и cadaго такъ, что и до днесь, если не всѣ, то многіе вспоминаютъ съ любовію, какъ о дѣйствіяхъ, такъ и о словахъ его, глубоко отпечатлѣвшихся въ сердцахъ многихъ.

Тяжело было разставаться съ нимъ, когда онъ уѣзжалъ, въ 1883 году, на Томскую кафедру, еще тяжелѣе и горестнѣе было въ 1886 году, когда онъ нарочито заѣхалъ въ с. Улалу проститься съ Алтайской миссіей, отправляясь далеко—на Ставропольскую кафедру. Пріѣздъ этотъ приворовленъ имъ былъ къ 7—9 мая, когда здѣсь бываетъ большое стеченіе народа и о.о. миссіонеры собрались всѣ въ Улалу, какъ и къ 1-му его

его пріѣзду на служеніе въ миссію въ 1866 году. 10 мая трогательно было прощаніе въ Улалѣ и въ окрестныхъ селеніяхъ: много пролито слезъ, много вылетѣло вздоховъ, какъ-бы, какъ объ умирающемъ отцѣ осиротѣвшихъ дѣтей...

Вчини, Господи, душу усопшаго раба Твоего, Архієпископа Владиміра, съ родителями и сродники его скончавшимися, въ вѣчный покой и свѣтлое мѣсто!

Заштатный Алтайскій миссіонеръ
священникъ *Василій Ландышевъ.*
